

Тель-Авив
Израиль

Давид Авидан

Из ранних стихотворений

ПЕРЕВОД С ИВРИТА НИКИТЫ БЫСТРОВА

Давид Авидан (1934-1995) — крупнейший израильский поэт второй половины XX века, один из реформаторов поэзии на иврите, расширивший её границы дерзким, часто парадоксальным сближением «высокого» и «низкого» речевых регистров, уравниванием в правах ветхозаветного слова, обыденной речи, языка философской рефлексии. В своей поэтике он, пусть и с некоторым опозданием, продолжил традиции авангарда — прежде всего, русского футуризма (Маяковский — один из кумиров Авидана) и немецкого экспрессионизма. От первого в его стихах — языковые эксперименты, обилие новых, неожиданных словосочетаний (ср., например, название его первого сборника: «Бразим аруфей сфатаим», «Обрубленногубые краны»), пафос «овеществления» слова посредством его нарочитой депоэтизации. От второго — размывание границ между «субъективным» и «объективным», спонтанность переходов от реального к воображаемому, медитативность и захваченность «тёмными», дискурсивно невыразимыми проявлениями индивидуального бытия.

Особенность, характерная для поэзии Авидана и в значительно меньшей мере присущая произведениям его столь же талантливых современников — Иегуды Амихая, Натана Заха, Дана Пагиса,— заключается в ярко выраженном «неприятии мира», близком по настроению к радикальной безбытности Цветаевой или, скажем, к антибуржуазному нигилизму битников. В человеческом существовании для него важнее всего то, что связано с постоянным отказом от условности и относительности жизни ради почти невозможного переживания её полноты. Именно поэтому всё условное и относительное из мира Авидана устраняется. Остаются чистые бытийные формы, в которых уже нет ничего эмпирически определённого — «что-то» вместо вещи, «кто-то» вместо лица (название ещё одной авидановской книги — «Машеhу бишвиль мишеhу», «Что-то для кого-то»), «память» вместо воспоминания, «вода», «земля», «ветер» вместо внятных изображений ландшафта, пейзажа. И лирическое «я» тоже подобно некой «беспредметной» структуре, или, выражаясь по-хайдеггеровски, простому «присутствию», непрерывно воссоздаваемому силой онтологически весомой речи, совершенно непричастной к суете повседневного.

Стихотворения, вошедшие в данную подборку, относятся к раннему периоду творчества Давида Авидана (1954-1962). Перевод сделан по первому тому четырёхтомного собрания: Давид Авидан. Коль hа-ширим. — Тель-Авив, 2004-2008.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

…И сойдут они с далёких гор,
и быков, исступлённо мычащих, убьют.
Звон колокольный затопит долину.
Капли росы ударят по лицу, по горлу.
Люди, может быть, помнят, откуда пришли,
но вряд ли узнают, куда
им двигаться в этом тумане,
куда движется этот туман.

…И сойдут они с далёких гор,
и побегут перед ними
огромные кони, качая высокими головами.
Свет осторожно окутает их, и голос надежды
зазвенит среди скал, как напев дикаря…

Конец. Это, значит, по сути,
всё еще пребывает в начале.
Так и поэты живут:
скрываясь в объятьях бумаги,
не понимают, не знают
того, что известно другим.

УСПОКОЕНИЕ

Даже в те времена он был поразительно свеж:
юное тело и жадные ноздри,
радость внезапная, нисходящая облаком,
ощущение неиссякаемой силы,
лёгкость, с которой всё в мире даётся.
И нежданное чувство полёта,
и безумие страсти, что в тебе открывает — тебя,
когда ты — словно спальный мешок,
в котором распорото всё,
что сшивалось ночами решений,
вплоть до того, что ты называешь — собой.

Прекратиться, исчезнуть, исчезнуть
и быть всем, всем, всем.
Сливаться с каскадами рек,
лететь на огромных ветрах
и при этом уметь наслаждаться
внезапным, мгновенным.
Помни: гармония жизни — не в том,
чтоб лежать, обнимая подругу.
Ты — словно спальный мешок,
сшитый стремительной пляской минут
самоубийства…

Так в тебе от тебя защищается радость.
Так в тебе от тебя избавляется смерть.
Так избегает встречи с тобой суета.

МУДРОСТЬ ЖИЗНИ

Там, где дуют самые сильные ветры,
никакие другие ветры уже не дуют.
То, что сильней, пребывает в движении
и, на части дробясь, стремится догнать
свой собственный ритм.
В себе завершённое, не сдержанное ничем,—
то, что сильней,
никогда не знает покоя.

Но там, где дуют самые сильные ветры,
нет ни тепла, ни холода,
нет ни любви, ни верности,
лишь буря, рождающая внезапно
сильный ветер и слабый ветер,—
ветер, который, на части дробясь,
стремится догнать свой собственный ритм,
и летит, и бормочет, и музыкой веет,
полный жара и холода,
и тёплого чистого света.

Самые сильные ветры прекращают дуть,
когда их пугает собственный ритм,
и они бегут от себя,
и текут параллельно друг другу,
на равных дистанциях,
в заданных направлениях,
без желанья, без цели,
отягощённые грузом
любви и верности,
вражды и понимания.

Вот что важно теперь для этих
некогда сильных ветров:
как лететь, не спеша,
как спешить, не ощущая
давления воздуха,
как не забыть, где свет, где тепло,
где истоки попутных течений,
и, главное, как не ускорить
неизбежную смерть?

…Хорошо, если б всё завершилось
прогнозом погоды,
ибо лишь это — надёжно.

Надо только, чтоб слово и воля
послужили знанию без мысли,
действию без усердья,
чтобы душа уступала
всем побужденьям,
кроме диких импульсов страсти,
чтобы память жила
только тем,
что способна вместить…

И вот тогда будет всё
решено
окончательно,
окончательно
решено.

ФАТАМОРГАНА

Где-то вдали сверкающие трубы
роняли отсветы на тёплую траву,
и серые кони брызгали пеной на удила,
и был там длинный загон из крепких брёвен
и проволочная ограда.

(О, как нам хотелось, чтоб это и вправду было —
чтоб эти трубы сверкали, чтоб были всегда
и крепкие бревна,
и проволочная ограда!)

Там время от времени проходит поезд,
и запах огня тревожит коней,
и трава качается от лёгкого дуновения…
Есть место, где оказаться нетрудно,
если действительно хочешь.
Можно смотреть на него как бы с вершины утёса,
словно в кино голливудском —
руки сложены на груди,
глаз напряжённо прищурен…

(О, как нам хотелось, чтоб это и вправду было —
и дым, что тревожит коней,
и проволочная ограда!)

И всё это есть, и ты веришь внезапно,
по-настоящему веришь,
что где-то вдали трубы сверкают
и блики лежат на тёплой траве,
и свет, разлившись повсюду, дремлет,
и запах цветов — как музыка тающей бури…
Мы закрываем глаза, гаснет в трубке табак,
мышцы слабеют от зноя.

Но всё же, — как ясно мы слышим,
что там, вдалеке, поезд идёт,
как отчётливо видим
коней, рвущихся к стойлу!..
Да, много есть странного
в этих странных людях,
приходящих из стран иных.

ЗА МИНУТУ ДО КОНЦА

Тело просило душу: «Пожалуйста,
останься здесь. Ещё порадуемся.
Я, наконец, открою сегодня
бутылки со старым вином.
И, может быть, цирк приедет.
Я такие песни тебе спою,
каких ты ещё не слыхала».
Но сказала душа: «Что с тобой?
Иль ты не помнишь уже, что всё,
чем была я сильна, —
умение действовать вовремя?
Теперь мне пора уходить.
Ты со мной или нет»?

ТО, ЧТО БЫЛО

Была у меня долгая память,
но она растворилась в пресной воде,
среди маленьких рыб,
предназначенных в пищу большим.
И соль у меня была,
но ветер, — воздушный мотор,
поломок и сбоев не знающий, —
унёс ее на дальние берега.

Можно теперь погрузиться в новые сны,
и от изменчивости отрешившись,
и от постоянства.
Можно помнить отныне
только солёную воду
и больших перевёрнутых рыб,
что она увлекает с собой…

Откуда эта уверенность,
эта дивная бодрость,
эта прочная связь
между тем, что стёрлось из памяти,
и тем, что пока не забыто?

Что-то ещё прояснится потом,
на новом кругу…

КРАТКОЕ ВИДЕНИЕ В НАЧАЛЕ СНА

1. Психотерапия

Семь тощих коров
Нилу сказали от имени леса:
«Умри, умри, умри,
дитя. Надо тебе умереть.
Завтра познаешь ты
нежное золото солнца,
что плывёт на ветру
средь ужасных твоих
тростников».

2. Противодействие лечению

Семь тучных коров
лесу сказали от имени Нила:
«Расти, расти, расти,
о смерть! Таков твой жребий.
Завтра выйдет бледное пламя
из тёрнов твоих
и захочет коснуться тебя».

3. Рецепт

Семь тощих коров
сказали семи тучным коровам:
«Довольно на этот раз.
Пусть Нил и лес
отдохнут. А мы наконец-то
обсудим сейчас
старинные наши дела.
Сон номер один,
завершись!»

4. Взгляд бодрствующего

А может, было и так: спросили
семь тучных коров
у семи тощих коров:
«Как, скажите нам,—
как умудряетесь вы сохранять
стройность ваших фигур?»

САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Так всегда ждали этой минуты. С тех пор,
как всё сложилось, всё устроилось.
И только что-то было
то менее стойким, то более прочным,
безголосым с рождения и потому
лишь поскрипывающим.
Как будто на земле иссякло масло,
как будто исхудавшая земля его поглотила.
А после с мерным жужжанием
то пронесли, что оставалось во тьме.

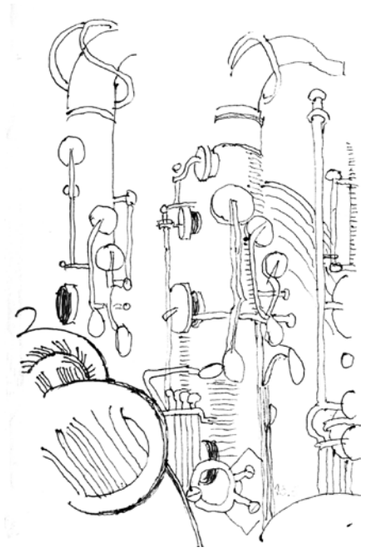
ЧТО-ТО ДЛЯ КОГО-ТО

Если покину я эти места, то скоро вернусь
с чем-то другим.

Если что-то смогу удержать, то скоро забуду
цвет неуверенности, звучание боли,
принадлежность к тому, что
не имеет значения ни для кого,
кроме меня.

Если скоро забуду звук неуверенности,
цвет боли, принадлежность к тому,
чего нет…

Если останется что-то…

Никита Львович Быстров,
1966 г.р., кандидат философских наук, доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского Федерального университета. Автор ряда статей по философии культуры и философским проблемам русской поэзии. Печатался в журналах „Вопросы литературы“, „Russian literature“ и др. Живет в Екатеринбурге.